

Андрей Львович Ливадный

Туманность Ориона

Аннотация

3782 год.

Вадим Полуэктов капитан внешней разведки Земли по долгу службы был готов к любым неожиданностям. Однако он даже не подозревал в какую переделку попадет, выполняя задание начальства по исследованию древнего колониального транспорта. Полуэктов оказывается втянут в невероятную историю среди участников которой не только алчные и кровожадные фанатики с планеты Ганио, но и древний разум, когда-то породивший Предтеч, а вместе с ними — нашу биологическую форму жизни.

Пролог

*2207 год по летосчислению Земли.
Окраина Солнечной системы. За
границей Плутона*

Космический корабль был огромен.

Он вобрал в себя всё — все знания, весь опыт и все надежды Человечества.

...Последняя независимая передающая камера прибыла в заданную точку пространства за шесть месяцев до грядущего события, и вот она заработала, транслируя видеосигнал к Плутону, откуда он будет переизлучен дальше, в глубь Солнечной системы, на колонизированные спутники Юпитера, оттуда к Марсу и, наконец — к Земле.

Общее запаздывание сигнала составляло несколько суток, но для миллиардов людей технические проблемы не казались чем-то

существенным — главное увидеть, как это произойдет...

— Внимание, десять секунд до включения... Пошел обратный отсчет...

В черноте космоса на фоне далеких колючих звезд медленно поворачивался передатчик сигнала. Он был смонтирован на прямоугольной платформе и издали казался гигантским ажурным насекомым.

Вспышка...

Разом заработало два десятка мониторов, повторяя одну и ту же картинку: на фоне вселенского мрака растет, укрупняется *нечто*, щедро осыпанное искорками разноцветных габаритных огней.

— Минута передачи. Сигнал устойчивый. Объект в фокусе. Вся аппаратура в норме.

— Отлично. Начинаем!

На контрольных мониторах изображение продолжало медленно увеличиваться.

— Дамы и господа! Несколько минут назад начал свою работу последний независимо расположенный следящий видеокомплекс. Он находится всего в пятистах километрах от точки, где произойдет включение двигательных установок основной тяги. Я, Александр Шаповалов, буду вместе с вами затаив дыхание следить, как первый в истории Человечества межзвездный колониальный транспорт покинет границы Солнечной системы.

...Одна из установленных на платформе видеокамер повернулась, поймала приближающийся корабль и начала «наплыв».

Зрелище потрясало.

Колониальный транспорт увеличивался, все четче и четче

проступая на фоне мрака.

Его размеры, конструкция, формы — все поражало взгляд, казалось настолько необычайным, мощным, что не сразу укладывалось в сознании, заставляя миллионы людей вздрагивать у своих сферовизоров, испытывая при этом неведомый доселе трепет и гордость.

Наплывающая камера показывала обтекаемый нос корабля, по серебристому покрытию которого шли буквы:

***«Земля. Колониальный
транспорт „Альфа“»***

Это был миг, когда миллиарды разных, совершенно незнакомых людей, по-прежнему разделенных условностями границ, расовыми и религиозными предрассудками, вдруг начали по-настоящему осознавать себя Человечеством.

По крайней мере те, кто понимал значимость происходящего, замерли сейчас у своих экранов.

Эмоции людей, их побудительные мотивы были самого разного толка, но мало кто остался равнодушным к репортажу о назревающем событии. Так или иначе, но этот день должен был отпечататься в памяти миллиардов граждан Солнечной системы, еще немного приблизив их сознание к идеям общечеловеческих ценностей.

Казалось, вот он, реально наступающий миг, когда станет понятно: Прорыв осуществлен, первые колонисты покидают Солнечную систему, и в сознании новых поколений будет зреть понимание того, насколько бесконечен окружающий космос, как чудовищно велики межзвездные расстояния, и какое уникальное по своей природе чудо все мы —

разумные существа, сумевшие подчинить себе законы мироздания...

Буквы, нанесенные черным на серебристую поверхность, укрупнялись, пока не настал миг, когда надпись уже не помещалась в фокусе объектива...

...Кадр сменился, теперь ракурс съемки стал немного иным, показывая медленное, величественное скольжение исполинской конструкции.

Диаметр носовой части колониального транспорта составлял пятьсот метров. По своей форме управляющий модуль походил на серебристую полусферу, обращенную выпуклостью в космос.

— Все мы знаем историю возникновения колониального транспорта, — раздался из-за кадра голос Шаповалова. — Но помнит ли кто-нибудь историю преемственности,

связанную с его названием? Позволю напомнить, что в последние годы далекого двадцатого века на орбиту Земли была выведена первая международная станция, которая носила именно такое имя — «Альфа»...

Камера продолжала наплывать, ее фокус опять переместился, показывая колониальный транспорт под иным углом, — теперь он был виден во всю свою семикилометровую длину.

Сразу за полусферой управления начинался так называемый «вращающийся корпус». Он имел полтора километра в поперечнике, и с носовой частью его соединяла соответствующих размеров коническая муфта, поверхность которой серебрилась ажурным лесом антенн. Внутри этой муфты размещалась система ориентации корабля.

— Как мы знаем, колониальный

транспорт состоит из трех основных частей: отсеков управления, вращающегося корпуса и двигательных секций, — продолжал комментировать поступающее изображение Шаповалов. — Во вращающемся корпусе расположены отделяемые криогенные модули, склады с техникой, биологические хранилища, содержащие образцы земной флоры и фауны, а также системы жизнеобеспечения «Альфы», включающие в себя огромные гидропонические комплексы, призванные участвовать в процессе регенерации кислорода и служить основным источником пищи для двух сменных экипажей космического корабля...

Голос из-за кадра на время смолк, предоставляя зрителям возможность самим оценить всю новизну проплывающей на экранах

межзвездной конструкции, ее неадекватность прошлым образцам космической техники.

Камера продолжала свое неторопливое историческое движение вдоль вращающегося корпуса, показывая миллиардам людей протяженность его надстроек и постепенно приближаясь к двухкилометровому трезубцу ходовых секций.

Эта часть корабля, так же как носовая полусфера, не вращалась. Нос и корма были соединены между собой конструктивным валом, который являлся осью симметрии колониального транспорта и совершал медленные обороты в сторону, противоположную вращению внешней обшивки, позволяя тем самым носу и корме корабля оставаться неподвижными.

Три секции ходовых установок располагались под углом в сто двадцать градусов, образуя симметричную пространственную вилку. Каждая секция оканчивалась тусклым коническим соплом, названным так по аналогии с древними выходными отверстиями жидкотопливных ракетных двигателей.

Разница между ними заключалась в том, что современные дюзы имели порядка двухсот метров в поперечнике, и истекать из них должны были не продукты химического сгорания, а плазма, образованная в результате управляемой термоядерной реакции синтеза гелия, что позволяло «Альфе» достичь околосветовых скоростей

Топливом кораблю служил водород. Не секрет, что понятие «вакуум» применительно к межзвездной среде неверно и давно превратилось в

анахронизм — на самом деле пространство между звездами не является пустотой, оно наполнено разреженными атомами водорода, частичками пыли, различными формами излучений. Поэтому двигательные секции «Альфы» были снабжены электромагнитными уловителями, которые после окончания разгона могли собирать некоторую часть водорода прямо из космического пространства.

И, наконец, главное: колониальный транспорт нес на своем борту пятьсот тысяч человек, подавляющее большинство из которых в данный момент спали, погруженные в низкотемпературный сон.

Программа полета была рассчитана на пятнадцать лет. Ровно столько потребует «Альфа», чтобы достичь

системы Проциона.¹ Полвека ушло на ее разведку и еще столько же на экспериментальные поселения. Теперь туда отправлялся первый транспорт с планетопреобразующей техникой и переселенцами.

Никогда еще люди не отправляли за границы Солнечной системы такой огромный и такой совершенный корабль. Пятьсот тысяч человек — на первый взгляд эта цифра кажется внушительной... Но то была лишь капля, ничтожная часть непомерно разросшегося Человечества, которое затаив дыхание следило сейчас за последними минутами «свободного полета» «Альфы».

Слишком много надежд было связано с этим кораблем.

По сути, он должен был решить проблему выживания для

¹ Процион — Альфа Малого Пса.

перенаселенной Солнечной системы.

И он ее решил.

Одним из людей, следивших за стартом «Альфы» из Солнечной системы, был молодой ученый, астрофизик. Он носил двойную фамилию Иванов-Шмидт, а звали его Йоган.

Ему повезло — он находился в системе Юпитера, в приемопередающем центре Ганимеда, куда поступал сигнал с ретранслятора Плутона, и таким образом мог наблюдать полный, необрезанный вариант трансляции событий.

Остальные зрители никогда не видели истинного старта «Альфы». Для них был смонтирован специальный ролик.

Исполинский корабль проплыл мимо парящей в космосе платформы.

Волнение операторов на станции

Плутона достигло пика наивысшего напряжения.

На борту «Альфы» уже шел обратный отсчет. Истекали последние секунды до включения маршевых двигателей.

Последние секунды до того момента, когда земным кораблем будет осуществлен первый гиперпространственный переход.

В корме удаляющегося корабля внезапно вспыхнули три ослепительных, нестерпимых для глаза солнца.

Это заработали термоядерные реакторы «Альфы».

Три столба истекающей со световыми скоростями плазмы ударили в пространство; боковая камера платформы, предусмотрительно снабженная фильтрами для съемок солнечных вспышек, продолжала

передавать изображение на Плутон.

— Вот он, исторический момент!.. — синхронно с изображением воскликнул Александр Шаповалов, вместе со всеми вставая со своего кресла, не смея оторвать глаз от экранов, и...

Восторженные, заготовленные заранее фразы замерли на его губах...

Три столба ослепительного света, которые должны были толкнуть вперед исполинский семикилометровый корабль, внезапно потеряли свою параллельность, по непонятной, необъяснимой причине искривились, словно на них начало воздействовать некое поле тяготения, и секунду спустя сошлись в одной точке позади «Альфы»!..

На экранах, в том месте, где соприкоснулись, слились воедино три плазменных столба, полыхнула ослепительная вспышка, центр которой

был... *черным* .

— Мой бог... — хрипло выдавил Александр, не в силах как-то иначе прокомментировать протекающий процесс. Он был недоступен его пониманию, но Шаповалов не мог усомниться в своем рассудке: вокруг него сейчас находились десятки людей, в том числе и физики, напрямую связанные с исследованиями космического пространства, которые, как и он, в немом, смертном оцепенении смотрели на непонятный, непостижимый с точки зрения современных знаний процесс...

Уже никто не сомневался — с «Альфой» происходит что-то ужасное, но события развивались намного стремительнее, чем это можно описать.

...Вспышка погасла также внезапно, как зародилась, а в месте скрещения плазменных столбов уже явственно

всколыхнулось, нечто, более глубокое, более черное, чем обычный мрак, и это образование словно бы отсекло своим телом световые потоки, не пропуская, не отражая, а *поглощая* их. Колониальный транспорт, вместо того чтобы, набирая скорость, рвануть вперед, к призывно сияющим звездам, вдруг замедлил свое движение, остановился, а потом...

Его потянуло назад, в тот ком черноты, где без следа тонули потоки рукотворной плазмы!..

Кто-то не выдержал и закричал, не в силах осознать, перенести это сумасшедшее, непостижимое зрелище.

Все произошло в считанные секунды.

Черное марево, всколыхнувшееся в пространстве за кораблем, поглотило «Альфу»...

* * *

Спустя мгновение после катастрофы лишь звезды кружили по экранам станций слежения, сливаясь в холодные серебристые полосы.

Это беспорядочно вращалась удаляющаяся от места страшного события передающая платформа с закрепленной на ней видеоаппаратурой.

Первый гиперсферный прыжок состоялся, но никто из свидетелей еще не осознал данного факта.

Гиперсфере еще только *предстояло открыть* , и катастрофа «Альфы» станет толчком к исследованиям в области космической аномалии, поглотившей исполинский земной корабль.

Среди людей, которые стали свидетелями этой чудовищной катастрофы, краха всех человеческих надежд на медленную, но неуклонную

экспансию к звездам, находился и молодой Йоган. Его, как и других, колотила в этот момент нервная дрожь. Будущий автор гиперсферного привода испытал в эти секунды свой первый в жизни шок...

* * *

...Через девять лет, когда лимит ожидания сигналов от «Альфы» будет окончательно исчерпан, он подарит людям теорию гиперсферы и тем самым откроет эру Великой Экспансии — безумного броска Человечества к далеким звездам.

Потом будет более тысячи лет истории, которые включают в себя две галактические войны, колонизацию ста семидесяти кислородных планет, истории, в которой ключевую роль сыграют уже не десятки или сотни, а

тысячи колониальных транспортов-невозвращенцев, рассеянных по Галактике капризной гиперсферой, но за всеми этими перипетиями, трагедиями, победами и поражениями нет-нет да и будет всплывать так и не нашедший своего ответа вопрос: что стало с первым в истории Человечества невозвращенцем, который унес в пучину гиперсферы пятьсот тысяч колонистов? Вышел ли он из аномалии космоса? И если вышел, то где?

Его искали, но не нашли. Вопрос так и остался открытым.

Часть первая

Глава 1

Тяжелый орбитальный перехватчик «МАГ», натужно ревя перегруженным двигателем и высоко задрав тупой, обтекаемый нос, карабкался вверх из

фиолетовой бездны стратосферы к черному, истыканному колючими точками звезд, мраку высоких орбит, где погибала, взывая о помощи на всех частотах связи, орбитальная станция...

— Маг-3, прошу помощи!.. Мы больше не можем держаться!.. Силовые экраны сбиты!.. Умоляю, Маг-3, где же ты?!

Голос хрипел, смешиваясь с помехами несущей частоты, истончался, рвался, но все равно возникал опять и опять, бился в коммуникаторе шлема, взывая, но уже почти не надеясь на чудо...

— Слышу вас... иду... на перехват... — губы пилота едва шевелились, выговаривая эти слова. Перехватчик вибрировал от перегрузки, и мышцы на лице пилота под кислородной маской отекали, стали чужими и непослушными...

На радаре четко просматривалась свора алых точек — каперские космические истребители, которые, словно осы, вились вокруг прикрывающей планету станции, жалея ее истончившуюся защиту режущим глаз лазерным огнем. Лучи когерентного света вспыхивали во мраке ослепительными росчерками, и там, где силовые экраны не выдерживали, обшивка станции начинала вспухать вишнево-красными рубцами перегретого, готового сдать металл...

— БОС,² мне нужен курс к их базовому кораблю... — хрипло и отрывисто проговорил в коммуникатор Ричард Меркулов, командовавший высланной на перехват каперским истребителям эскадрильей орбитальных перехватчиков «МАГ».

² Бортовая Операционная Система.

— Рассчитываю... — ответил коммуникатор внутренней связи. На правом дисплее загорелись данные для ввода.

— Звено один, приготовиться! — передал он ведомым. — Залповый огонь по моему сигналу! Бить в район двигательных секций!

Два звеньевых, чьи тройки следовали справа и слева от возглавляемого Меркуловым крыла, явно не одобряли столь самоубийственной атаки на каперский корабль-матку, который висел на почтительном отдалении от огрызающейся огнем станции и координировал действия беснующихся истребителей, но спорить с командиром никто не решился.

— Первый, готов... — пришел доклад от командира правого ведомого звена.

— Второй?! — резко спросил

Ричард, увеличивая мощность двигателей, чем вызвал запредельную вибрацию каждого узла, каждой переборки перегруженной машины.

— В чем дело, командир?! — раздался в ответ взволнованный, срывающийся голос молодого лейтенанта, лидировавшего в третьем звене эскадрильи — Это безумие, мы не можем пойти на крейсер!

— Можем и пойдём! — отрезал Ричард. — Иначе он успеет сориентироваться для прыжка и опять ускользнет!

— Сэр, мы получили приказ защищать станцию! Это бессмысленный риск! Сейчас подойдут силы планетарной обороны — пусть они разбираются с носителем!..

— Продолжать атаку! — гневно вырвалось у Меркулова. Он едва не добавил чего покрепче, мысленно

пообещав, что разберется на земле с ведущим третьего.

Секундная тишина.

— Есть, сэр... — наконец донеслось по связи. И уже едва слышно: — Псих долбаный...

Меркулов промолчал, только стиснул зубы так, что заломило челюсть.

Много злых, нехороших мыслей пронеслось в его голове за эти секунды.

Он защищал свою планету, и ему уже давно было плевать на риск. Он знал — «МАГ» выдюжит. За годы службы в военно-космических силах он сжился с этой машиной до полного, интуитивного взаимопонимания. Но уверенность, равно как и опыт, не передашь по коммуникационному каналу. Меркулов и без расчетов БОС видел, чувствовал: сегодня его день — он успеет достать базовый корабль каперов, прежде чем тот нырнет в

гиперсферу...

* * *

Генерал Покровский откинулся в кресле. Пальцы Андрея Георгиевича машинально постукивали по подлокотнику, взгляд был направлен на экран компьютерного терминала, в глубинах которого затаилось смазанное, нечеткое изображение, снятое с носовых камер орбитального штурмовика.

В самом углу сильно увеличенного, расплывчатого стоп-кадра просматривалась некая тень.

Палец генерала коснулся сенсора. Картинка послушно увеличилась, но изображение стало еще хуже. Покровский сместил окно поиска, ввел в него размазанные по краям очертания некоего предмета, который

присутствовал на снимке, и одним касанием запустил программу детальной проработки изображения.

Пока машина выполняла полученный приказ, он грузно поднялся с кресла. Подойдя к окну, Покровский уловил, как непрозрачная преграда, отреагировав на приближение человека, теряет свой матовый глянец, становится полупрозрачной, и на фоне коричневатой мглы начинают проступать урбанистические контуры сверхвысотных построек.

— Милочка, принеси мне кофе... — не оборачиваясь, произнес он.

Сзади пискнул сигнал. Машина закончила обработку изображения, но Покровский не спешил назад, к рабочему месту. Он стоял и смотрел в тускло-коричневую даль, где громоздились, цепляясь за каркасы опустевших небоскребов, ядовитые

кучевые облака.

«Да, запустела Земля», — подумал он. — «Загадили, превратили в свалку, а ведь все равно боятся, стерегут».

Взгляд Покровского скользнул выше, в небеса, где, невидимый отсюда, висел неумолимый страж прародины Человечества — Орбитальный комплекс Совета Безопасности Миров, стальной гарант необратимости истории.

Губы Покровского исказила усмешка.

«Это мы еще посмотрим, господа, посмотрим...»

Сорок лет назад, начиная свою карьеру разведчика, молодой, полный наивных амбиции Андрей Покровский не подозревал, что львиную долю операций, часть которых в буквальном смысле заставит сотрясаться в конвульсиях целые планетные системы,

он проведет именно так — сидя за терминалом компьютера.

Нет, покидая стены заурядной гидропонической фермы, под прикрытием которой много лет назад функционировала школа подготовки офицеров внешней разведки, он предвкушал иную судьбу — новоиспеченный офицер всерьез грезил о подвигах, схватках, мгновенных рейдах, когда под огнем противника придется ползти по гнилым болотам чуждых миров.

Все это оказалось сказкой для дефективных малолеток.

Реальность сегодняшнего дня настойчиво опровергала грубые, наивные, романтические иллюзии. Век высоких технологий предлагал нечто иное, но можно представить, каково оказалось разочарование молодого офицера, не сумевшего вовремя

оторваться от мира романтических грез, когда его, едва народившегося *спеца*, со светлой шевелюрой, мужественными чертами лица и стальной поволокой пронзительных глаз, готового на любые испытания ради своей родины, внезапно разместили в самой обыкновенной, ничем не примечательной квартире, усадили за терминал компьютера и заставили лопатить горы информации, свободно протекающей по сети Интерстар, которая связывала между собой далекие в реальном пространстве звезды.

Надежды юношей питают. Лейтенант Покровский не думал, что это надолго и всерьез, — разведка казалась ему чем-то заведомо жестким, циничным, расчетливым и никак не сочеталась в уме молодого человека с той рутинной, что была предложена ему

в обмен на романтику.

После первого года такой службы он ходил мрачный, недовольный жизнью, чувствовал себя чуть ли не униженным... пока не грянул Эригонский кризис.

Это было лихое время для доброй половины обитаемых миров. Никто не предполагал, что ниточки межпланетного кризиса, столкнувшего лбами старую Конфедерацию и молодые промышленные миры Окраины, дотянутся в том числе и сюда, на Землю.

Лихорадка политических и экономических крахов корежила целый сектор пространства, гигантские, солидные, благополучные корпорации впадали в ступор и заканчивали банкротством, правительства планет менялись, как шлюхи в дорогом борделе, — часто и по определенному

заказу, а за всем этим... За всем этим стояли люди, которых никто не знал ни по именам, ни в лицо — тихие, добропорядочные... корпящие день и ночь перед таинственно мерцающими мониторами межзвездной сети Интерстар...

Молодому Покровскому не хватало именно этого *наглядного откровения*, чтобы понять: информационная война, противостояние сверхдержав на уровне умов — это намного более жесткая, запредельная по своей циничности, напряженности и цифрам конечных потерь схватка, которая стоит неизмеримо выше, чем тривиальное перерезание глотки вражескому агенту в темном полуподвальном этаже мегаполиса.

Теперь за спиной генерала лежало сорок лет кулуарных операций подобного толка... Из молодого

волчонка он превратился в старого, битого, седого зверя, умудренного опытом и годами борьбы с тенетами, опутывавшими Землю с той поры, как на далекой отсюда планете Элио были подписаны параграфы капитуляции Земного Альянса.

В комнату тихо вошла молоденькая секретарша.

Покровский не обернулся, по-прежнему глядя в окно, только произнес, не отрывая глаз от плавающих в пластах тумана удивительно красивых в этот час вершин городских небоскребов:

— Спасибо, ты свободна.

Запах свежесваренного кофе приятно пощекотал ноздри.

Генерал вернулся за стол, грузно опустился в кресло, с наслаждением сделал несколько маленьких глотков и только тогда позволил себе взглянуть

на детально прорисованное машиной изображение.

— Черт... — Чашка с кофе дрогнула в руке старого генерала. Несколько коричневых пятнышек расплылось по безупречному, белоснежному манжету рубашки, но он не обратил внимания на такую мелочь. Медленно опустил руку, не смея оторвать глаз от конструкции, в которую превратилось обработанное компьютером расплывчатое пятно, поставил чашку и застыл, глядя в экран.

Он знал, что увидит нечто подобное, подозревал, предвкушал, но все равно состоявшийся факт явился для него потрясением.

Три дня назад аналитики информационного отдела выудили из сети Интерстар нечто действительно стоящее, любопытное, грозящее большими переменами.

На первый взгляд файловый пакет

выглядел совершенно безобидно. Эмоциональность переговоров между ведущим звена орбитальных штурмовиков и его молодыми ведомыми, равно как и сам факт дерзких налетов каперских кораблей на некую товарную станцию в системе Оргелейн, не могли вызвать того возбуждения, которое сейчас испытывал Покровский.

Зерно истины оказалось зарыто глубже — в том и состояла задача информационной разведки, чтобы среди вереницы обыденных фактов отыскать нечто экстраординарное, не замеченное другими.

«Ладно, господа, я долго готовил почву, так пусть теперь на нее упадет первое зерно...»

Палец Покровского вновь коснулся сенсорной клавиатуры.

Сбоку от него едва слышно

зашуршал графический пластпроектор.

Сердце старого генерала стучало глухо и неровно.

Когда в лоток упала первая пачка отпечатанных снимков, он взял их, медленно перебрал, просматривая различные ракурсы изображения, потом отчего-то недоверчиво покачал головой и вновь обернулся к терминалу компьютера.

Прежде чем принять окончательное решение, он должен был еще раз взвесить все сопутствующие обстоятельства дела. Точно ли он единственный, кто верно истолковал значение снимка? Ему ли одному пришла в голову мысль о действительной информационной ценности смутно узнаваемого контура, который смазанным пятном мелькнул на грани угловой разрешающей способности объективов орбитального

штурмовика «МАГ»?

«Сейчас мы это проверим...»

На экране монитора промелькнули грифы секретности, знакомые Покровскому по некоторым архивам почившей Конфедерации Солнц, затем появился и сам текст.

Генерал посмотрел в нижний угол экрана. Текст был «скачан» с архивного сервера Совета Безопасности Миров. То, что данный протокол оказался рассекреченным, ничуть не смутило Покровского. Кому как не ему было знать, сколь стремительно устаревает и обесценивается информация в современном мире, где события одновременно протекают на двухстах семнадцати населенных мирах...

Старый, никому не нужный протокол допроса десятилетней давности, сопровождаемый записями радиопереговоров да несколькими

смазанными снимками космического пространства, сделанными с автоматических камер орбитального штурмовика.

Следователь:

— Господин Меркулов Ричард Эдуардович, капитан военно-космических сил системы Оргелейн, должность — командир истребительно-штурмовой эскадрильи «МАГ-3». Я верно изложил ваши данные?

Меркулов:

— Да.

Следователь:

— Ричард Эдуардович, месяц назад, а именно, 3 сентября 3960 года, по универсальному летосчислению, вы, командуя вверенной вам эскадрильей орбитальных перехватчиков «МАГ», поднялись с аэрокосмической базы в Шлугарде. Что послужило причиной старта?

Меркулов:

— На высоких орбитах планеты в районе станции защиты появился каперский носитель класса «Армада». Им был произведен запуск двадцати космических истребителей, которые атаковали базу, намереваясь пробить брешь в орбитальной щите планеты. Нас подняли по тревоге в шесть утра, и моя эскадрилья стартовала на перехват нападающих. Это был приказ командующего базой Шлугарда, полковника Хлудова.

Следователь:

— Ричард Эдуардович, вы атаковали истребители?

Меркулов:

— Нет. Я отдал приказ атаковать базовый корабль каперов.

Следователь:

— Какими соображениями была вызвана такая вольная трактовка

полученного вами приказа? Ведь полковник Хлудов отдал распоряжение расчистить подступы к нашей орбитальной базе и патрулировать район до прибытия подкреплений. Это зафиксировано в записи сеансов радиосвязи.

Меркулов:

— Я знал, что зенитные батареи станции справятся с атакой вражеских истребителей. Поэтому моей целью стал базовый носитель, который, обнаружив наше появление, начал готовиться к гиперпространственному переходу.

Следовательно:

— То есть вы вопреки приказу полковника Хлудова самовольно повели свою эскадрилью в атаку на пытавшийся ускользнуть базовый корабль каперов?

Меркулов:

— Да. Я хотел покончить с периодически повторяющимися набегами этого пирата раз и навсегда.

Следователь:

— Хорошо, Ричард Эдуардович, расскажите, что случилось позже.

Меркулов:

— Бортовой компьютер моего «МАГа» рассчитал, что атака на носитель будет завершена, прежде чем тот сориентируется для направленного гиперперехода. Угроза риска оставалась минимальной, так как в момент подготовки к прыжку носитель должен был свернуть все внешние системы локации и загерметизировать оружейные порты. Он оставался уязвимым. Но когда первое звено, которое возглавлял я лично, оказалось на дистанции прицельного огня лазерных комплексов, носитель начал спонтанный гиперпереход...

Следователь:

— Чем можно объяснить такие действия со стороны каперского корабля?

Меркулов:

— У пилота не выдержали нервы.

Следователь:

— Хорошо, Ричард Эдуардович. Что было дальше?

Меркулов:

— Неизбежное. Мое звено из трех «МАГов» оказалось в зоне действия низкочастотных генераторов каперского корабля, и нас затянуло в гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

— Это был так называемый Слепой Рывок?

Меркулов:

— Естественно. Пиратский корабль не закончил ориентацию по точкам — значит, его навигаторы не могли знать,

где их вышвырнет гиперсфера. Это был самый настоящий Слепой Рывок, совершенный в надежде на чудо.

Следователь:

— Вы видели этот корабль впоследствии?

Меркулов:

— Да. Мое звено покинуло гиперсферу вслед за ним.

Следователь:

— То есть вы всплыли в одной и той же точке трехмерного космоса, ориентируясь при обратном переходе по гравитационному следу каперского носителя?

Меркулов:

— Да.

Следователь:

— Приборы вашего штурмовика определили точку выхода?

Меркулов:

— Приблизительно. После первого

выхода ориентация оказалась невозможной — нас вышвырнуло в районе плотных газопылевых скоплений. Капер тут же ушел в новый прыжок, мы последовали за ним.

Следователь:

— Второй выход был более удачен?

Меркулов:

— Да. Бортовая киберсистема закончила предварительное опознание ориентиров, когда мой «МАГ» подвергся атаке со стороны каперского носителя. В результате я лишился систем локации и всей внешней видеозаписывающей аппаратуры.

Следователь:

— Вы прекратили преследование?

Меркулов:

— Нет. Приблизившись к вражескому кораблю, я совершил еще два прыжка, сознательно оставаясь в зоне действия его низкочастотных

генераторов. На третьем я его потерял и был вынужден прекратить преследование. Выбросив стандартный аварийный буй, мой «МАГ» восемнадцать суток дрейфовал в точке выхода. Затем я был подобран.

Следователь:

— С вами было еще две машины. Они не вернулись. Вы понимаете, что несете ответственность за их экипажи?

Меркулов:

— Да.

«Ничего... Никакого намека на анализ видеоизображений...»

* * *

Закончив чтение протокола, Покровский встал, подошел к объемной карте, занимающей собой всю стену его рабочего кабинета, и несколько минут стоял, пристально вглядываясь в чернь

пространства, в глубинах которого были прихотливо разбросаны узоры звезд.

Между ними пульсировали схематические алые точки — так на карте были отмечены станции Гиперсферной Частоты.

Обитаемые миры выглядели в данной схеме несколько иначе — они часто, слишком часто за последнее время меняли свой цвет, перекочевывая из одной категории условных обозначений в другую.

Десять лет назад бескровно распалась победившая Землю Конфедерация Солнц. Молодые планеты Окраины, отстоящие отсюда на многие десятки парсек, пытались скроить новую политическую реальность обитаемой Галактики, основанную на суверенитете планет. Человечество в который раз дробилось,

отторгая какую бы то ни было централизованную власть, и на этом фоне все созданное Конфедерацией тускнело, становилось неким набором атрибутов — памятником уходящей эпохе

Единственное, чего не могли коснуться никакие потрясения внутренней и внешней политики планет, — были сотни станций Гиперсферной Частоты, продуманно рассредоточенные в пределах освоенного космоса. Они представляли собой не просто систему оперативной межзвездной связи — с некоторых пор станции ГЧ стали проводниками компьютерной сети Интерстар, без которой Человечество уже не могло бы существовать как единая Цивилизация.

Значение станций ГЧ и связанных с ними комплексов трудно переоценить. Это была единственная постоянно

действующая, необрывная нить, протянутая между полутора сотнями обитаемых миров, нить, связующая различные культуры и типы мышления, а сеть Интерстар с ее принципом безграничной анонимной свободы еще более углубила эту связь, стала неким нивелиром человеческого сознания, средством взаимного проникновения антагонистических культур, источником информации о мирах, которые по тем или иным причинам считали друг друга чуждыми.

Станции ГЧ и существующую на их носителях сеть Интерстар можно было сравнить с широко открытым окном в обитаемую Галактику.

В любое время, с самого момента их возникновения, станции ГЧ являлись неприкосновенными конструкциями. Их персонал обычно составляли машины, а каждая из планет —

неважно, была она богата или бедна, проповедовала космополитизм или же узость национальных взглядов — непременно заботилась о техническом состоянии своей станции Гиперсферной Частоты и связанных с ней гиперсферных маяков.

Любое, даже самое узколобое планетарное правительство понимало важность станций ГЧ. Никто не мог вообразить себе последствий, связанных с ее поломкой или разрушением.

Опыт Экспансии явственно свидетельствовал в пользу того, что изоляция, одиночество — это деградация и смерть.

...Год за годом, столетие за столетием мы расширяемся, растем, и темп нашего продвижения в Галактику не снижается... Мы, как горсть пыли, брошенная под порыв ветра Вечности.

Нас слишком мало... Мы теряемся на Галактическом просторе, между нами световые годы расстояний, но пока тянутся тонкие нити от одной станции ГЧ к другой, пока трепещут подле них крохотные маяки, служащие ориентирами для кораблей в великом Ничто гиперсферы, мы, при всех своих различиях, расовой неприязни и культуре планетных суверенитетов, были и остаемся Человечеством...

Генерал Покровский вздрогнул.

Все это было наваждением, чушью...

«Общечеловеческие ценности...» — неприязненно подумал он, продолжая разглядывать карту. — «А где в системе этих ценностей ваша истинная родина, господа продажные историки? Растоптать Землю вам удалось, смешать ее с грязью, с прахом забвения тоже...»

Покровский с тяжелым чувством

отвернулся от карты. Он жил на Земле, принадлежал ей, и всю свою жизнь посвятил служению интересам прародины Человечества.

Земля не просто проиграла две войны.

Тысячелетие изоляции лежало на ней тяжким бременем. Почти тысячу лет в пространстве царила Конфедерация Солнц, но теперь она распалась, а что пришло взамен?

Сколько бы ни кричали новоявленные политики о культуре планетных суверенитетов — это была лишь очередная сказка, миф, за которыми скрывались чьи-то конкретные интересы. Разобщенное Человечество становилось драчливым, буйным, непредсказуемым. Грань дозволенного быстро стиралась, а это чаще всего вело к катастрофам.

Образовался вакуум власти, а

природа, как известно, не терпит пустоты. Этот вакуум должен быть заполнен, но кем?

Этот вопрос не давал покоя не только пожилому генералу.

Об этом думали тысячи людей на сотнях планет. Людей, облеченных властью или просто алчущих ее.

Скоро, очень скоро начнется крупный дележ Галактического пирога, и тогда все условности, моральные ценности, которые оставила в наследство почившая Конфедерация, полетят к Дьяволам Элио — это Покровский знал наверняка.

Власть в пространстве получит тот, кто окажется готовым принять и нести ее бремя.

Генерал вернулся за терминал. Он больше не испытывал сомнений. Пора было начинать действовать, но прежде чем он сделает свой первый шаг,

следовало поставить последнюю точку над «і».

На осветившемся мониторе возник объемный контур космического корабля, изображенного на смазанных моментальных снимках.

Покровский смотрел на него и думал: «Неужели вот так, в виде случайно попавшей в твои руки информации, приходит Судьба? Сколько человек видело эти снимки и не придало им должного значения, не остановило кадр, не попыталось поймать ускользающий контур чего-то до боли знакомого...»

Генерал знал ответ на заданный самому себе вопрос.

Иваны, родства не помнящие, никогда не выстроят новую реальность. Вся кичливая тысячелетняя история Конфедерации начиналась отсюда, с Земли, но об этом не принято

вспоминать.

Ни следователь, беседовавший с Меркуловым, ни сам пилот орбитального штурмовика не помнили *настоящего прошлого* .

Им хватало своих кладбищ кораблей, оставшихся после двух галактических войн. Кладбищ, за которыми наследники Конфедерации и уследить-то толком не могут. Они погрязли в узких рамках своих планетных интересов, а общечеловеческая история сегодня уже не волнует умы людей, она считается дурным тоном, областью отвлеченных, оторванных от реальности знаний...

Действительно, что за смысл обращать внимание на мертвый артефакт, промелькнувший где-то на границе кадра, даже не захваченный фокусом зрения этого Меркулова? Люди уже привыкли, что в некоторых

секторах космоса, куда ни ткни, попадешь в какие-нибудь останки человеческой деятельности.

Для того чтобы обратить внимание на корабль, сфокусироваться именно на нем, нужно было *знать* этот контур.

Сотрудники Покровского его не знали, но имели четкую директиву — не упускать ничего, ни малейшей странности, способной иметь какую-то информационную ценность.

Ну а сам генерал этот контур знал. Он жил историей, дышал ею, для него она являлась не только прошлым, в котором слово «Земля» звучало как нетускнеющий символ цивилизации, — эта история помогала ему сберечь надежду на будущее. Именно потому он и не упустил зерно истины в потоке информационных плевел...

Пальцы генерала легли на сенсорную клавиатуру.

Умная программная оболочка, отреагировав на касание, ожила, услужливо укрупняя модель, затем разделила экран на два оперативных окна.

В одном медленно вращалось объемное изображение артефакта, а в другом появилась компьютерная модель некоего космического корабля, такого, каким он был заснят когда-то давным-давно, еще до старта.

Сходства осталось немного — время и космос нещадно и бесцеремонно поработали над ним, но Покровский уже не сомневался — это был ОН.

Повинуясь воле генерала, глянцеви́тая модель прекратила свое вращение. Касание сенсора — и борт корабля взорвался, отстреливая сотни спускаемых модулей, плиты обшивки встали на ребро, открыв продолговатые щели вакуум-створов, да так и остались

торчать, до неузнаваемости обезобразив внешний вид конструкции.

Еще касание — и исчез лес ажурных антенн. Потом видоизменилась корма, сложив пространственную вилку двигательных секций в непривычное, но принципиально возможное положение.

Теперь и в правой, и в левой части монитора медленно поворачивались вокруг своей оси две одинаковые конструкции.

Без сомнения, кораблем со снимка являлась «Альфа» — первый колониальный транспорт Человечества, канувший в неизвестность более тысячи лет назад.

Теперь оставалось найти его, узреть воочию, узнать, что творится на его борту и какова судьба пятисот тысяч человек, которые были заключены в узилища низкотемпературных

усыпальниц.

* * *

Для встреч с оперативниками у Покровского было несколько излюбленных мест.

В этот раз он выбрал старый промышленный район разрушенного временем мегаполиса. Для такой конспирации имелись веские причины.

Хотя Конфедерации Солнц, некогда победившей Землю, более не существовало, но в пространстве остался царить порожденный ею монстр — Совет Безопасности Миров. Конечно, после развала единого экономического пространства он уже не являл собой той силы, какой обладал несколько десятилетий назад, но большинство межпланетных договоров все еще действовало. В том числе и

пресловутые параграфы Элианского Протокола, где были четко прописаны границы суверенитета планеты Земля.

Если следовать по пунктам упомянутого документа, то становилось ясно, что прародина Человечества, инициировавшая некогда вторую волну Экспансии и связанную с ней Галактическую войну, лишалась права на обладание армией, военно-космическим флотом и любыми видами вооружений, основанных на технологиях, запатентованных после 2750 года. Чтобы Земля не осталась беззащитной перед агрессией извне, ее противокосмическую оборону строил и контролировал Совет Безопасности Миров.

Вот так. Не больше и не меньше. Под благовидным предлогом «защиты» прародину человечества заточили в кандалы орбитальных станций,

действующих и поныне. За века, прошедшие после подписания этих позорных документов, на Землю никто не покушался — кому нужна загаженная планета с умирающими мегаполисами и исчерпанными внутренними ресурсами?.. Так что боевые службы планетарной обороны, вольготно раскинувшиеся за синью стратосферы, столетия подряд маялись не у дел, а вот базирующиеся там же подразделения разведки явно не страдали от безделья. Покровский точно знал, что вся поверхность Земли перекрыта орбитальными средствами электронного контроля. Современная аппаратура имела огромные возможности. Любой участок поверхности можно было не только «увидеть» из космоса, но и «услышать». Именно поэтому учебное заведение, которое окончил генерал

внутренних сил самообороны Андрей Георгиевич Покровский, размещалось глубоко под водами Всемирного океана...

...Свернув с широкой автострады, Покровский вывел свой внедорожник на узкую, захламленную улицу, больше похожую на мрачное ущелье. По обе стороны возвышались облупившиеся фасады нежилых небоскребов, между домами царил густой сумрак, где-то под напором ветра натужно поскрипывала отставшая облицовка, под колесами похрустывало выдавленное из рам полимерное стекло.

Старого генерала всегда удручали эти картины обнищания и запустения родной планеты. Покровский не любил созерцать падение мира, где родился и вырос. Однако от мрачных, уродливых пейзажей за окном не убежишь, не

спрячешься... Приходилось молча терпеть и ждать своего часа.

Многовековая блокада Земли казалась ему тем более унижительной и несправедливой, поскольку она давно потеряла свой первоначальный смысл и продолжалась уже по инерции, в силу некоторых имперских амбиций правившей до недавнего времени Конфедерации Солнц... И даже с падением Конфедерации суть вещей осталась прежней — Землю не желали выпускать из состояния упадка и забвения, справедливо опасаясь, что в новой политической реальности кое-кто может опереться на старые, потускневшие символы, смахнуть с них накипь времен... Так что контроль со стороны Совета Безопасности в последние десять лет стал едва ли не жестче, чем раньше.

«Ну, ничего, господа, до поры...»

...

...Проехав несколько сот метров, он свернул на неприметный пандус, который серым языком асфальтобетона уводил на заброшенную развязку подземных уровней.

Резкое эхо захламленного тоннеля сделало отчетливым едва слышный звук двигателя машины. Покровский включил фары, и их лучи прорезали мрак, осветив шеренги выбитых осветительных панелей, обрывки свисающей со свода проводки, мусор и грязь.

Мощный внедорожник едва полз, расталкивая широким бампером скопившиеся тут обломки времени. Старый тоннель, экранированный от орбитальной слежки десятиметровым антирадиационным перекрытием, был идеальным местом для встречи, которую планировал провести Андрей

Георгиевич.

...Вадим Полуэктов ждал его у второй транспортной развилки.

Покровский остановился, подождал, пока оперативник сядет к нему в машину, потом включил дистанционный контроль, погасил фары и осмотрел плотный, воцарившийся вокруг мрак в инфракрасном свете.

Все было чисто. Никого вокруг, только крысы, эти вечные обитатели человеческих помоек, нет-нет да и мелькали на границе восприятия прибора. Датчик электронного присутствия спокойно моргал зеленым индикатором.

Покровский включил тусклый внутренний свет и протянул на заднее сиденье пачку привезенных с собой снимков:

— На, Вадим, посмотри пока... —

произнес он, прикуривая первую за день сигарету.

* * *

Какую информацию можно извлечь из двух десятков нечетких, смазанных по краям видеоизображений?

Генерал откинулся на спинку водительского кресла, исподволь наблюдая за капитаном Полуэктовым, который медленно просматривал снимки, закладывая один листок за другой.

— Ну, что скажешь?

Вадим еще несколько секунд смотрел на особо приглянувшийся отпечаток, потом поднял взгляд и произнес:

— Космический корабль, очень старый, давно покинут, экипаж отсутствует, внешние повреждения незначительны, бортовая сеть,

вероятнее всего, либо обесточена полностью, либо введена в энергосберегающий режим.

— Почему ты решил, что экипаж покинул его? — спросил Покровский.

Вадим взял один из снимков, развернул его изображением к генералу, показал на длинные ряды прямоугольных прорезей, которые тянулись по обшивке цилиндрического корпуса, и пояснил:

— По моему мнению, это стартовые шлюзы. Для обычного корабля их слишком много, значит, перед нами колониальный транспорт, причем, судя по нестандартной конструкции, один из первых. Огней навигации нет. Внешние створы стартовых отсеков никто не потрудился закрыть. Отсюда я делаю вывод: люди эвакуированы, корабль брошен. — Вадим поднял взгляд на Покровского, но тот лишь кивнул, мол,

продолжай, капитан, слушаю.

Полуэктов не торопился. Разговаривать с Покровским всегда было сложно — генерал не любил пространных речей и нечетких формулировок.

— Отсутствие значительных скоплений мусора и кристаллизованных газов вокруг обшивки свидетельствует о герметичности корпуса. А вот это повреждение, — он указал на кратер с закругленными температурой краями, который выделялся светлой язвой на более темном фоне брони, — след удара крупной метеоритной частицы. Значит, корабль дрейфует в пределах звездной системы, причем уже не одну сотню лет. — Вадим чуть отдалил выбранный снимок, прищурился и внезапно добавил:

— Фон странный, Андрей

Георгиевич, не находите? Похоже на мощное газопылевое облако. — Вадим чиркнул ногтем по светлomu, похожему на едва заметный нимб пятну, которое выделялось в верхней части черно-белого снимка. — Облака газа, а сквозь них просвечивает звезда.

«Умно», — мысленно похвалил капитана Покровский. Он знал Вадима уже более десяти лет и был доволен тем, что Полуэктов в очередной раз блестяще подтвердил свою состоятельность, сделав абсолютно те же выводы из снимков, к которым пришел он сам, рассматривая изображения несколько часов назад.

Ладно... Пора было бросать фокусы и переходить к делу. Покровский сел вполоборота, посмотрел на капитана. Игра начиналась большая, жесткая, и на одной армейской субординации тут не проскочишь.

— Старые гиперсферные аппараты когда-нибудь водил?

— Нет. Теорию в принципе знаю, но практики никакой, — сознался Полуэктов.

— Скверно. А если возникнет такая необходимость? Справишься?

Трудно предугадать, какого ответа ждал Покровский, но Вадим не стал кривить душой, вытягиваясь во фрунт. Просто пожал плечами.

— Не боги горшки обжигают, Андрей Георгиевич. Если иного выхода нет, то...

Покровский внимательно посмотрел на него и признал:

— Иного выхода действительно нет, Вадим. Сейчас я коротко обрисую тебе оперативную обстановку, а там прикинем, что к чему. Итак, ты уже понял, что меня интересует этот старый корабль?

Вадим кивнул. Что же тут непонятного?

Покровский вынул из кармана прозрачный, герметично запечатанный пакет с заключенным внутри микрочипом.

— Это микропроцессор модулятора частот аварийной связи, — пояснил он, взвесив на ладони запаянный в пластик кусочек кремния. — Тебе необязательно знать все нюансы, достаточно того, что в области, где дрейфует интересующий нас корабль, десять лет назад побывал некий орбитальный штормовик. Он двигался в режиме слепых рывков. При этом каждый выход в трехмерный континуум обязательно маркируется гиперсферным источником сигналов. Этот чип настроен на частоты связи той планеты, к которой был приписан штормовик. С его помощью можно

запеленговать сброшенный автоматический маяк, то есть в нашем случае получить координаты искомой области пространства.

Вадим кивнул.

— Можно уточнить?

— Давай.

— Аварийные маяки очень невелики по мощности. Чтобы обнаружить его сигнал, нужно погружаться в гиперсферу достаточно близко от вероятного местонахождения прибора.

— Верно... Тут вступают в игру вторичные, косвенные данные. Ты сам отметил газопылевое облако, в котором просматривается аура звезды. Следуя методу исключения, я отбросил разреженные облака межзвездного газа и оставил для рассмотрения только очень плотные, относительно близко расположенные к Земле туманности, причем такие, в которых идут процессы

новообразования звезд. Теперь место действия уже не кажется таким загадочным, верно?

— Туманность Ориона? —
полувопросительно предположил
Вадим.

— Она самая, — кивнул генерал. — По моему мнению, либо искомый объект дрейфует именно там, либо я промахнулся в своих рассуждениях и данное место находится где-то в иной части Галактики, недостижимо далеко от нас...

Вадим вовсе не собирался комментировать логику Покровского, но он чувствовал, генерал что-то недоговаривает, а потому спросил, тасуя в руках снимки:

— Я бы прежде всего допустил вероятность худшего исхода. Мало ли подобных газопылевых облаков? Если следовать статистике, то Туманность

Ориона лишь один из сотен вариантов.

— Верно... Но есть один нюанс, который заставляет искать достаточно близко к Земле... — Покровский прищурился, глядя на Вадима. — Почувствовал, что недоговариваю, да?

Вадим пожал плечами. И он, и Андрей Георгиевич носили форму сил планетарной самообороны, попросту говоря, — полиции. Отсюда соответственно вытекали и рамки подчиненности.

— Это «Альфа», — взвесив все «за» и «против», произнес Покровский.

Вадим внутренне напрягся.

Вот это новость... Он постарался не выдать волнения случайной мимикой — генерал наблюдал за ним, наверняка оценивая, как подчиненный держит информационные удары.

Покровский достал сигареты, но стекла оставил закрытыми наглухо —

его машина имела свою защиту от несанкционированного подглядывания и подслушивания, поэтому не стоило нарушать замкнутый контур. Включив систему кондиционирования, он прикурил, протянул Полуэктову початую пачку и произнес:

— Твоя задача заключается в том, чтобы проверить, действительно ли это первый колониальный транспорт Земли, и если да, то в каком он состоянии. Ты понял?

Дождавшись утвердительного кивка, генерал включил бортовой компьютер машины, откинул небольшой голографический экран и указал на возникшую внутри карту.

— Теперь по оперативной обстановке. Выдать тебе гиперсферный аппарат я не могу, У нас их попросту нет. Придется на первом этапе воспользоваться подручными

средствами. Самый удобный для такой экспроприации пункт — это станция «Гамма» — старый форпост, плюс ремонтная база времен первой галактической... Брошенные рудники, исследовательский орбитальный комплекс, ГЧ-генератор, что исключительно ценно в нашем случае... Небольшой персонал, отдаленность, заброшенность — в общем, условия внедрения вполне подходящие. От нее до интересующего нас района туманности всего пара световых лет. Твое появление на «Гамме» будет подготовлено в ближайшие сутки.

— В какой роли я должен буду выступить на станции? — задал Вадим свой первый вопрос по поводу предстоящего задания.

Покровский усмехнулся.

— Сам подумай. Огласка нам не с

руки, шума не должно быть никакого. Противоправные действия исключены, по крайней мере, на данном этапе операции...

Вадим задумался, но ненадолго. В глазах Полуэктова мелькнула и тут же пропала искорка понимания. Задание начинало ему нравиться. В деле присутствовала не только изрядная доля риска, сдобренная мистикой древних артефактов, но и некое творческое начало.

А также возможность крепко поквитаться с людьми, которые держат Землю в нищете и разрухе вот уже несколько веков подряд.

— Думаю, что на «Гамме» полно старого, дышащего на ладан оборудования, — высказал он свои соображения. — А путевые техники вряд ли горят желанием попасть в такую дыру.

Покровский кивнул.

— Мои ребята уже «прокачали» сервер станции и выяснили, что должность инженера там относится к категории вечных вакансий. Кстати, знаешь, чем забиты их ангары? — с нехорошим юмором поинтересовался Покровский и, не дождавсь ответа, сказал: — Старыми штурмовиками «Гепард» со снятым вооружением.

Эта модель была абсолютно незнакома Вадиму.

— Они в рабочем состоянии?

— Откуда... — махнул рукой генерал. — Говорю же, — путевого инженера на станцию не могут заманить уже много лет.

Полуэктов покачал головой, выражая сомнение по поводу такой схемы внедрения.

— Я не специалист по старой гиперсферной технике. Водил

современные «Тайфуны», но генератор низкой частоты знаю чисто теоретически.

— Не волнуйся. Моя контора на что? — опять криво усмехнулся генерал. — У тебя будет несколько дней про запас, а пока суд да дело, соберем тебе карманный тестер.

— Диагностический компьютер?

— Ну да. Ты мнемоническую обработку проходил?

— Естественно. Навыки рукопашного боя, теория информационной войны...

— Пройдешь еще раз, — перебил его Покровский. — По теории ремонта штурмовиков «Гепард», — сухо добавил он. — Пусть о технических деталях у тебя голова не болит, ладно?

— Я понял.

— Вот и славно. Произведешь мелкий ремонт наиболее «живой» из

пяти имеющихся на борту «Гаммы» машин, — продолжал развивать свой план Покровский. — Соответственно потребуются испытания. Когда погрузишься в гиперсферу, вставишь полученный микрочип на место стандартного. Если я не ошибся и маяк действительно был сброшен в том районе, то у тебя появятся координаты для прыжка.

— А чем занимается «Гамма»?

— Научный центр, — скупое ответил Покровский. — Филиал института исследований космоса, базирующегося на Элио. Станция, как я уже сказал, старая, дохлая, отдана на откуп ученым за полной практической ненужностью. Единственную ценность представляет ГЧ-генератор, из-за него орбитальный комплекс и не законсервировали, как другие поселения сектора.

Вадим мысленно кивнул, соглашаясь. Станции Гиперсферной Частоты являлись слишком ценными конструкциями, чтобы попросту бросать их или допускать простой в работе.

— Что я должен буду искать, попав на место?

— Я хочу, чтобы ты детально осмотрел этот корабль. — Палец Покровского выразительно прижал стопку снимков.

— Как должен выглядеть прыжок? — Вадим уже начал мысленно свыкаться с заданием, и его вопросы отличались лаконичной скупостью. — Я должен буду вернуть «Гепард»?

— Желательно. Трудно предугадать, какой оборот примут события. Возможно, твое пребывание на «Гамме» потребуется и дальше. Два световых года — невелико расстояние,

оттуда выйдешь на связь по аварийному каналу ГЧ, доложишь, что обнаружил очередную поломку в приводе. Помочь они тебе не смогут, предложат отремонтировать на месте. На этом этапе главное — обеспечить полную секретность. Любое слово, действие — все должно выглядеть естественно и не вызывать подозрений. Понял?

Вадим кивнул. Ему в свою очередь стало любопытно: что это Покровский так плохо владеет собой? Генерал явно волнуется. Бросив косой взгляд на снимки, Полуэктов спросил:

— Какого рода информация должна быть извлечена из «Альфы»?

Андрей Георгиевич понял подоплеку его вопроса. Он сам только что напирал на секретность, а она подразумевает быстроту, короткий срок проведения акции — если Полуэктов станет

болтаться там неделю, то на «Гамме» беспокоятся за своего сотрудника, начнут искать способы, как ему помочь.

«Двое суток... а то и меньше, — прикинул про себя генерал. — За этот срок много не накопишь, учитывая размер корабля...»

— Бортовой компьютер, — произнес он, обдумав вопрос. — Снять с его носителей всю доступную информацию по системам «Альфы». Целостность обшивки, наличие энергии, критические разрушения...

— А экипаж? Возможные пассажиры?

— Это меня пока не интересует, — отрезал Покровский. — Те, кто летел на нем, либо мертвы, либо сумели решить собственные проблемы много веков назад. Меня интересует исключительно корабль. Ты понял, Вадим?

— Да. Я могу запросить оперативный отдел о дополнительных деталях?

— Нет. — Покровский отрицательно покачал головой. — Оперативный отдел тебе не поможет. Детали операции разрабатываю я сам. Сейчас потихоньку выберемся отсюда, я отвезу тебя на квартиру, там у меня установлен защищенный от любопытных глаз и ушей терминал. Я тебе дам всю доступную информацию по «Гамме». Познакомься, набросай список необходимого оборудования... — Покровский помолчал, обдумывая, не упустил ли чего.

— Да, вот еще... Дела незаконченные остались? Свидания, там, подружки?

Вадим кивнул.

— Женщина?

— Нет, товарищ. Собирались

вместе...

— Несущественно, — перебил его Покровский. — Дай координаты, ему сообщат.

Вадим знал, что спорить в данном случае бесполезно. Вытащил из внутреннего кармана электронный блокнот, набросал несколько строк записки и протянул Покровскому. Тот пробежал глазами по строкам, кивнул.

— На, забирай кристалл, капитан, и начнем работать. — Он извлек из специальной коробочки информационный носитель. — Здесь все: подробный, поэтажный план станции «Гамма», досье на всех сотрудников, список и технические характеристики их оборудования, отдельным файлом я отметил все, относящееся к «Гепардам». В общем, вживайся.

* * *

Вполне естественно, что, разговаривая с Вадимом, Покровский не раскрыл ему и десятой части истины. С точки зрения генерала, Полуэктов был не более чем хорошим исполнителем.

Он завез капитана на конспиративную квартиру и, возвращаясь назад, к зданию полицейского управления, под «крышей» которого работала его «контора», Покровский думал о перспективах, забрезживших на горизонте с момента, когда он понял, что на снимках изображена легендарная «Альфа».

Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно непростительно волнуется, словно юноша-кадет перед первым свиданием с женщиной.

«Слишком многое брошено на кон, а как мало средств и возможностей для четкого исполнения операции...» — подумал он, выворачивая из теснины боковых улиц на главную магистраль города, где уже началось редкое движение машин.

Через несколько минут, поднимаясь по истертым мраморным ступеням управления полиции, он вдруг остановился, обернулся и глянул в окно на унылое, отливающее нездоровой коричневой дымкой небо.

В глазах старого генерала вспыхнул азарт игрока, который предвкушает, как двинет по доске первую фигуру начинающейся партии.